

А.В. МИХАЛЕВ

СОВРЕМЕННЫЙ УЛАН-БАТОР: НА ПУТИ К МИРОВОМУ ГОРОДУ

Urban Studies and Practices Vol.1 #2, 2016, 24-33
<https://doi.org/10.17323/usp12201624-33>

Автор: Михалев Алексей Викторович, д.полит.н., Центр изучения политических трансформаций Бурятского государственного университета.

E-mail: mihalew80@mail.ru

Аннотация

Данная статья посвящена изучению проблемы развития Улан-Батора как динамично развивающегося центра региона Внутренняя Азия. Это развитие автор статьи пытается проанализировать через концепцию мирового города. Основной вопрос статьи: является ли монгольская столица мировым городом и к какому миру она принадлежит? Исследование опирается на материалы Национального статистического агентства Монголии (www.nso.mn), международных агентств по развитию, инвестиционных фондов, обзоров Всемирного банка. Данные материалы содержат большой контент данных, характеризующих включенность монгольской столицы в глобальные процессы, протекающие в Азии в целом. Кроме того, автор статьи на протяжении последних десяти лет проводил полевые исследования в Улан-Баторе и имел возможность наблюдать динамику развития города.

Ключевые слова: город; Монголия; Азия; трансформации

Современный Улан-Батор является ключевым экономическим и логистическим центром в регионе Внутренняя Азия. Его развитие на протяжении последних ста лет — отражение почти всех важнейших модернизационных процессов в данном регионе. Под Внутренней Азией мы понимаем современную Внутреннюю и Внешнюю Монголию, Алтай, Туву, Бурятию и Тибет, т.е. контактный регион, являвшийся фронтиром империи Цин и Российской империи. Современный Улан-Батор — столица постсоциалистической Монголии, успешно интегрирующаяся в глобальный мир, сегодня насчитывает 1,5 млн жителей (при населении страны в 3 млн) [*Mongolian, 2015*]. Это город, в котором сосредоточены ключевые элементы инфраструктуры всего региона, начиная с аэропорта с возможностью вылета как в Японию,

так и на Ближний Восток, заканчивая финансовой инфраструктурой. Однако прежде всего Улан-Батор, по выражению президента Монголии Ц. Элбэгдоржа, — столица всех монголов мира (халха-монголов, увэр-монголов, урянхов, калмыков, бурят, хазарейцев).

В настоящей статье мы тестируем гипотезу о том, возможно ли понимание тенденций развития Улан-Батора через призму концепции мирового города Питера Холла, согласно которой мировые города — это центры: национальной и международной политической власти (правительственные центры); национальной и международной торговли, банковского и страхового дела; концентрации высококвалифицированных профессионалов; сбора и трансляции информации посредством издательского дела и массмедиа; искусства и культуры; потребления на показ [*Hall, 1966*]. Данная концепция, на наш взгляд, наиболее релевантна языку самопрезентации монгольской столицы. При этом Улан-Батор не входит ни в один из известных рейтингов мировых или глобальных городов. Соответственно, в центре нашего внимания политическое мифотворчество в сфере позиционирования Улан-Батора как столичного и мирового города. С другой стороны, задачей статьи является фиксация тенденции развития в направлении мирового города, а не констатация свершившегося факта.

Данная модель анализа выходит за рамки традиционных подходов к изучению городов Востока через призму теории модернизации, post-colonial или subaltern studies. Концепция П. Холла [*Hall, 1966*] предоставляет нам возможность сформировать представление о современной монгольской столице и перспективах ее развития вне каких-либо контекстов европоцентризма. Мы рассматриваем современный Улан-Батор как некую модельную площадку, на которой разворачиваются

процессы, которые в меньшем масштабе находят свое преломление в других столицах Внутренней Азии. Речь идет о позиционировании себя как мирового центра, способного определять тренды в пределах отдельно взятого мира. Мы исходим из контекста множественности миров, т.е. множественности крупных социальных систем координат, одной из которых является монгольский мир (Pax Mongolica).

В центре нашего исследовательского интереса находятся модели самоописания городского пространства. Мы рассматриваем, каким образом применяется теория мирового города в локальном контексте. Интерес представляют язык (категориальный аппарат), символы города, определяющие его место в мире, и, главное, понимание этого мира.

Исследование опирается на материалы Национального статистического агентства Монголии («Монгол Улсын Үндэсний статистикийн хороо», www.nso.mn), международных агентств по развитию, инвестиционных фондов, обзоров Всемирного банка. Данные материалы содержат большой контент данных, характеризующих включенность монгольской столицы в глобальные процессы, протекающие в Азии в целом. Кроме того, автор статьи на протяжении последних десяти лет проводил полевые исследования в Улан-Баторе и имел возможность наблюдать динамику развития города.

Изучению современного Улан-Батора посвящены немногочисленные статьи отечественных исследователей: А.С. Бреславского [Бреславский, 2011], А.В. Михалева [Михалев, 2008], В.И. Терентьева [Терентьев, 2015]. В числе трудов монгольских ученых следует упомянуть работы Ч. Баянчимэг. Из числа исследований, опубликованных на Западе, следует назвать фундаментальную работу Р. Ньюперта и С. Голдштейна, дающую достаточно полный обзор урбанизационных процессов в Монголии в XX в. [Neupert, Goldstein, 1994].

Монгольский город в монгольском мире

Рассматривая Улан-Батор как мировой город, мы исходим не только из концепции П. Холла, но и из азиатского релятивизма в понимании мира. Так, начиная с 2000-х годов на смену публикациям о советском колониализме приходит идея монгольского мира со своей внутренней иерархией, мира, соприкасающегося с другими мирами, но не поглощаемого ими.

На уровне политического дискурса был реанимирован концепт монголосферы Э. Хара-Давана [Хара-Даван, 2002], подразумевающий этнокультурное единство монгольских народов от большой Центральной Азии до Китая. В этом контексте единственное независимое государство монгольских народов становилось ядром этого мира, а его столица — политическим, экономическим и культурным центром.

Подобное осмысление шло синхронно с процессом «изобретения» имперского прошлого, в котором Карокорум (Хархорин) являлся центром мир-империи XIII в., а современный Улан-Батор становился его правопреемником. Это позиционировалось как некий естественный процесс, при котором материальные блага Ближнего Востока, Евразии и Китая концентрируются в Монголии. Здесь же отметим, что этот дискурсивный порядок обеспечивает современной Монголии легитимность притока иностранной рабочей силы (преимущественно из КНР) и оттока населения из Монголии (на 2015 г. более 100 тыс. мигрантов) [Mongolian, 2015]. При этом категорию «монгольский мир» мы рассматриваем как сугубо политический конструкт периода формирования постсоциалистического государства. Это инструмент, способствовавший преодолению осознания себя как периферии постсоциалистического мира. Так, в 1990-е годы на волне десоветизации в критике советской системы указывалось, что второй в мире страной «победившего социализма» была «отсталая скотоводческая» Монголия [Восленский, 1991].

В дореволюционный период центром города считалась площадь процессий, маркированная буддистскими символами, а основным центром коммуникаций был местный базар (зах). После революции 1921 г. площадь процессий приобрела новые смыслы. На протяжении всего социалистического периода пространство частично копировало Москву. Центром города была площадь Сухэ-Батора, на которой располагался мавзолей вождей революции [Ломакина, 2006]. Вокруг площади был построен комплекс правительственных зданий. Рядом с площадью, на ключевой улице Бага тойруу, находится Монгольский государственный университет (МУИС), а также посольские и консульские учреждения. В 1940-е годы, после окончания строительства УБЖД, в столице Монголии появился железнодорожный вокзал.

Фото © 2008 Алексей Михалев

**Рис. 1. Памятник В.И. Ленину у отеля Улаанбаатар
(снесен в 2012 г.)**

Также хотелось бы отметить, что в 1960–1970-е годы, под влиянием советско-китайского конфликта, возникла потребность в стратегическом укреплении территории Монголии как «буфера» между СССР и КНР [Михалев, 2008]. В результате в Улан-Баторе развернулось масштабное промышленное строительство, в которое были вовлечены не только специалисты из СССР, но и из всех стран Восточного блока. Для служащих группы советских войск в Монголии был построен особый микрорайон (Офицерийн гудамж) [Михалев, 2008]. Фактически на территории Улан-Батора, как и в эпоху Средневековья, находились представители самых разных стран, что создавало иллюзию сложного имперского города. Именно в это время сформировалась относительно толерантная среда принимающего сообщества по отношению к трудовым мигрантам из-за рубежа. Распад

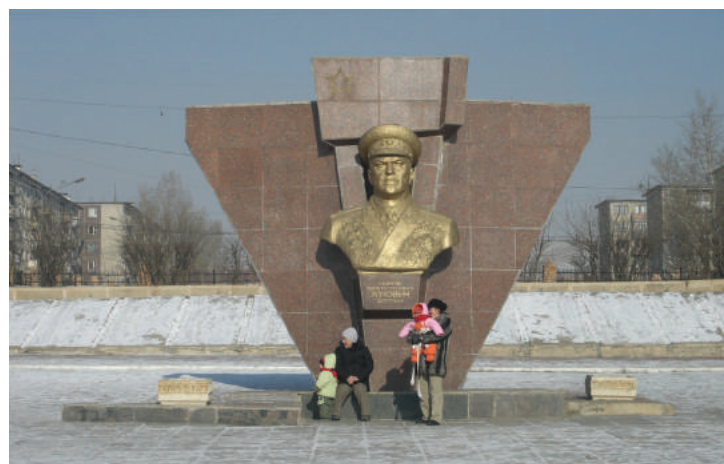

Фото © 2009 Алексей Михалев

Рис. 2. Площадь Г.К. Жукова

системы социализма на короткий период приостановил подобную динамику развития, сведя все взаимодействия к приграничному сотрудничеству. Однако с конца 1990-х годов под влиянием КНР Монголия начала восстанавливать утраченные позиции и даже существенно расширила границы иностранного присутствия.

Исходная ситуация постсоциализма

После демократической революции зимы 1989–1990 гг. облик столицы Монголии стал существенно меняться. В предыдущий период Улан-Батор внешне и содержательно подходил на типичную столицу советской азиатской республики [Михалев, 2008]. Это стало результатом долговременного присутствия в этой стране как советских специалистов, так и советской армии. СССР ежегодно вкладывал в строительство в Монголии миллионы рублей и привозил в страну рабочих и архитекторов не только со всего Советского Союза, но и из стран Восточного блока. В итоге монгольская столица представляла собой продукт социалистического проекта, ориентированный на задачи того времени, такие как строительство промышленной базы социализма, обеспечение безопасности страны [Лиштованный, 2007].

Современный Улан-Батор разделен на девять крупных районов (дуурэг) и девятнадцать микрорайонов (хороо). Центральным дистриктом является Сухэ-Батор, представляющий собой административный дипломатический и торговый узел коммуникаций. Площадь города составляет 7,3 тыс. кв. км. Автомобильный транспорт — единственный вид связи между районами. В 2011 г. было принято решение о строительстве метро, однако проект по сей день остается декларацией. В 2000-е годы, несмотря на то, что столица Монголии находится в сейсмоопасной зоне, началась высотная застройка. Самыми крупными небоскребами считаются Bayangol Tower — 300 м, Шангрила — 150 м, МАК Tower — 190 м, Blue Sky Tower — 110 м.

Городское пространство все более приобретает национальные черты. Однако наряду с этим либеральная политика монгольского государства, направленная на тесное сотрудничество не только с непосредственными географическими соседями Россией и КНР, дала и другие результаты. В Улан-Батор пришли инвесторы из Китая, Японии и Южной Ко-

реи. В стране открылись представительства иностранных компаний и банков. Вместе с тем в городе сохранился традиционный восточный базар (зах) — Нарантуул, благодаря которому наиболее бедные слои общества сохраняют возможности для потребления. В итоге в условиях постсоциализма сформировалась уникальная ситуация, при которой бывшая периферия социалистического блока стала динамично развиваться и приобретать черты регионального логистического центра. Из аэропорта Улан-Батора можно вылететь в большинство стран мира, что оказывает влияние на его привлекательность для жителей приграничных областей России и Китая.

Кроме того, Улан-Батор стал столицей национальной интеграции для монголов мира. Во-первых, как столица единственного независимого монгольского государства. Во-вторых, как центр продвижения политики консолидации монголов мира. В-третьих, за столицей Монголии закреплён бренд «Чингисхан». Это название аэропорта, части отелей, мемориального комплекса и многого другого.

Улан-Батор уверенно претендует на статус финансового центра региона Внутренняя Азия. При достаточно гибкой финансовой политике, проводимой в Монголии, этот город сумел привлечь внушительные объёмы инвестиций и большое количество трудовых мигрантов из Китая и даже из России (в 1990-е годы).

Деколонизация

Деколонизация городского пространства Монголии — это концепт, заимствованный нами из работ монгольских интеллектуалов, описывавших смену советского облика города. Появление националистических мотивов в имидже Улан-Батора послужило началом современной системы символов, маркирующих пространство города. Первым этапом стало переименование улиц и названий районов, а также снос памятников и музеев В.И. Ленина [Михалев, 2009]. Последний из них был снесен в 2012 г. Так, например, район Найрамдал (Дружба), название которого символизировало «нерушимую братскую дружбу советского и монгольского народов», был переименован в Баянзурх (название, символизирующее богатство и изобилие). Советское архитектурное наследие в облике города, доминировавшее до 1991 г., сохранилось лишь на окраинах (например, мемориал

Фото © 2011 Алексей Михалев

Рис. 3. Площадь Чингисхана

на горе Зайсан) или заменялось новыми формами, отсылавшими к собственно монгольскому историко-культурному наследию (времен империи Чингисхана).

В частности, центральная площадь города — Сүхбаатарын талбай — была переименована в Чингисхааны талбай. Однако в 2016 г. решением суда, по иску потомков Сүхэ-Батора, центральной площади города вернули имя вождя национальной революции 1921 г. В 2005 г. тела Сүхэ-Батора и Чойбалсана были вынесены из мавзолея и преданы земле [Михалев, 2009]. Напротив памятника вождю монгольской революции была установлена статуя сидящего на троне средневекового вождя монголов. На территории города появились многочисленные памятники Чингисхану, включая большой комплекс

Фото © 2015 Алексей Михалев

Рис. 4. Памятник Д. Сүхэ-Батору

на окраине города. В районе Цонжин-Болдог (Улан-баторский городской округ) была установлена сорокаметровая статуя Чингисхана с тридцатью шестью колоннами, символизирующими тридцать шесть великих ханов времен империи. В столице страны фиксируется огромное количество названий, связанных с великим ханом монголов: кинотеатры, кафе и др. Сегодня мы наблюдаем постепенную трансформацию сакральной идеи о божественности Чингисхана, доминировавшей с 1990-х до середины 2000-х годов, в откровенно консюмеристский проект, ориентированный на туристов. Подтверждением этому является создание сети отелей и ресторанов, ориентированных на воспроизводство образа монгольского средневековья. Банки, фирмы, продукты питания — все они носят имя Чингисхана, делая его самым узнаваемым брендом. Наиболее яркий пример — Chinggis Khaan Hotel, расположенный в центре Улан-Батора и являющийся одним из его главных символов.

Анализируя описанные процессы, мы можем резюмировать, что с падением «железного занавеса» монгольский национализм трансформировал городское пространство Улан-Батора, сделав его интересным для иностранцев. Формирование «национального колорита», или, иными словами, экзотизация символического пространства города, соответствовало запросам и ожиданиям иностранцев, наполнявших город. Подобный спрос привел к масштабному расширению предложения вплоть до торговли кошечками и брелоками с изображением средневековых ханов. Таким образом, советское наследие постепенно уходило в прошлое, и формировался современный облик монгольской столицы с соответствующей инфраструктурой. Большую роль в ее становлении сыграл мелкий и средний бизнес, создавший десятки тысяч «посадочных мест» в сфере общественного питания и гостиничного сервиса. Это открыло возможности для привлечения иностранных инвесторов со всей Северо-Восточной Азии. Сегодня китайские и японские корпорации ведут застройку делового центра монгольской столицы, формируя новый стандарт монгольского города.

Претензии на центр силы

Столица Монголии представляет собой город, который в геополитических реалиях

XXI в. претендует на роль нового центра силы. В современных условиях большое значение приобретают контроль над региональными логистическими системами и моделирование новых транспортных узлов. Монголия, являясь так называемым территориально зажатым государством (landlocked state) [Bedeski, 2008], для выхода на мировой рынок нуждается в транзите через территорию Российской Федерации или КНР. Эти амбиции непосредственно связаны с развертыванием проекта «Новый шелковый путь». Его суть заключается в создании транспортной инфраструктуры, которая свяжет Европу с азиатскими рынками. В этих условиях Улан-Батор как столица страны, занимающей буферное положение между Россией и КНР, имеет возможность стать ключевым транзитным центром. Проект «Новый шелковый путь» сегодня во многом все еще остается глобальным планом, реализация которого далека от реального воплощения.

Политическое значение наземных логистических систем в настоящее время сравнимо с контролем за морскими портами в XIX в. Железные дороги и перемещение по ним большого объема стратегического сырья оказывают влияние на конъюнктуру мировых рынков и позиции отдельных государств в региональной политике. Так, стремление Монголии получить доступ к тихоокеанским портам России и Китая (особенно Тяньзинь)¹ обусловлено потребностью в расширении рынка сбыта ее природных ископаемых. Логистические системы, по мнению ряда политологов, составляют основу транснациональных политических пространств. Одним из них является «Большая Центральная Азия», разработанная американским ученым Фредериком Старром. Этот проект направлен на формирование глобального центральноазиатского транснационального пространства, основой которого является транзитная торговля. Он представляет собой попытку уйти от узкого географического определения региона, предложенного для обсуждения СССР. Он принимает как действительность то, что в течение двух тысячелетий и Синьцзян,

1 Между тем Монголия имеет собственный морской флот, а также Министерство морского транспорта. Невысокая стоимость регистрации судна под монгольским флагом способствует тому, что морской флот Монголии постоянно растет. На данный момент под монгольским флагом ходят более 100 китайских и 50 российских судов.

и Афганистан были составными компонентами культурной зоны, частью которой являются пять бывших советских республик. Он также допускает возможность еще более широкого определения, причем такого, которое включает, по крайней мере, провинцию Хорасан Ирана, северную часть Пакистана, Монголию, Республику Татарстан и даже часть Северной Индии, простирающейся от Раджастана до Агры [Starr, 2018].

Подобные проекты на протяжении 2000-х годов — вплоть до их свертывания в 2010-е годы — формировали проекции для будущего регионального центра в Улан-Баторе. На уровне политической риторики данные идеи широко поддерживались западными аналитиками. Так, А. Кэмпбелл отмечает: «Монголия с Востока, а Турция с Запада могут стать лидерами, руководящими конструктивным развитием региона» [Campi, 2002, p. 56]. Однако по состоянию на 2016 г. из множества масштабных инфраструктурных проектов реализуется лишь несколько, из них основных два: 1) строительство крупного международного аэропорта в пригороде Улан-Батора при поддержке японских инвесторов; 2) строительство сети шоссейных дорог при поддержке КНР.

Основное противоречие в развитии

Бурное развитие Улан-Батора в конце XX — начале XXI в. связано с неравномерностью распределения социальных благ в монгольском обществе. С одной стороны, налицо устойчивая тенденция к формированию элитной застройки и «закрытых» жилых комплексов для обеспеченных слоев общества. Средняя цена за квадратный метр в престижном комплексе в районе горы Зайсан составляет 3 000 долл. США [Mongolian, 2015]. Имеются широкие возможности для потребления на уровне ведущих мировых брендов. При относительно либеральном таможенном законодательстве страны элитное потребление в столице Монголии является сравнительно недорогим. Более того, оказавшись вовлеченной в мировую торговлю, Монголия открыла на территории своей столицы возможности для разнообразия в потреблении.

Особого внимания заслуживают иностранцы, приезжающие в Монголию в условиях горнодобывающего бума. В первую очередь речь идет о пригороде монгольской столицы Налайхе, где добывают уголь китайские рабочие

Таблица 1. Данные о процентном соотношении удельного веса прямых иностранных инвестиций в Монголии, 2014 г.

Страна	Удельный вес инвестиций, %
Нидерланды	37
КНР	20,3
Виргинские острова	12,25
Люксембург	9,56
Сингапур	8,08
США	2,55
Прочие	10,26
<i>Итого</i>	<i>100</i>

[Delaplace, 2010]. Здесь же нужно отметить, что до 2000-х годов Налайха и Багануур были индустриальными городами-спутниками столицы, сегодня же они стали промышленными окраинами, войдя в состав единого городского пространства. Сегодня это районы, заселенные гастарбайтерами — выходцами из различных районов КНР. Второй по значимости группой мигрантов являются выходцы из России, традиционно населяющие 13–15-й микрорайоны города, именуемые «русским кварталом». Он представляет собой историческое наследие СССР, сформировавшего для своих граждан удобную инфраструктуру в этой части города. Именно там располагаются филиалы российских вузов, русскоязычные школы, православная церковь, мемориал маршалу Г.К. Жукову, магазины российских торговых сетей [Михалев, 2008]. Наряду с этими, уже считающимися «традиционными» группами мигрантов в Улан-Баторе представлены диаспоры из Кореи (как Северной, так и Южной). В престижных районах проживает многочисленная японская диаспора. Подобное многообразие является причиной ксенофобии в стране с трехмиллионным населением, пытающейся вести политику репатриации монголов со всего мира, включая тех, кто является потомками воинов среднеазиатских гарнизонов имперской эпохи (хазарейцы Афганистана). На протяжении правления президента Ц. Элбэгдоржа предпринимались попытки запустить крупный проект по репатриации монголов. Улан-Батору же отводилась особая роль центра всех монголов мира.

Однако в парламенте страны соответствующий законопроект не набрал достаточного числа голосов.

При этом другой стороной этой динамики стала масштабная сельско-городская миграция и связанная с ней рурализация. За последние двадцать пять лет население Улан-Батора увеличилось на 800 тыс. человек. Вокруг столицы возникли гигантские юрточные кварталы (гэрхороо) [Sinclair, 2009]. Речь идет о районах, состоящих из традиционных жилищ монголов — войлочных юрт. На сегодняшний день на территории столицы насчитывается приблизительно 26,6 тыс. юрт (гэр) [Ibid.]. Это вариант монгольских трупп, в которых отсутствует инфраструктура, а социальные учреждения удалены на значительное расстояние. Рядом с этими кварталами нет школ, больниц, отсутствуют полицейские участки. Сегодня гэрхороо являются воплощением городской бедности и депривации. Юрты стали причиной смога в городе, так как отапливаются печным отоплением в условиях отсутствия дров. Начиная с 2012 г. рядом с юртами стали появляться стационарные жилища из газобетона. В ряде случаев для жителей окраин были построены школы и поликлиники. Можно с уверенностью утверждать, что гэрхороо стали стационарными, а не сезонно кочевыми частями города. Сезонные перекочевки ушли в прошлое. Именно поэтому большое значение стало придаваться проблемам инфраструктуры города.

По данным экологов, воздух в Улан-Баторе — один из самых загрязненных. По оценке ВОЗ, количество твердых частиц в воздухе в 24 раза превышает допустимый пороговый уровень. По итогам 2015 г. Улан-Батор по уровню загрязненности «перегнал» Пекин [Mongolian, 2015]. Руководство столицы предпринимает усилия для решения этой проблемы и реализует программу переселения в благоустроенное жилье. Однако в условиях полуторамиллионного города эта проблема решается медленно.

Таким образом, основное противоречие в развитии, на наш взгляд, заключается в геттоизации городского пространства. Расслоение общества находит отражение в пространственной сегрегации, разделяющей монгольское общество и постепенно сводящей к минимуму пафос антиколониальных ритмик 1990-х годов.

Улан-Батор как сакральный центр

Сворачивание социалистического проекта в Монголии повлекло за собой масштабный процесс десекуляризации. Возвращение религии в публичную сферу и тесная связь с государственными институтами в рассматриваемой нами стране имеют свои локальные особенности, которые нашли отражение в ландшафте столицы и легитимизировали политические претензии на доминирование во Внутренней Азии. В частности, именно в Улан-Баторе в монастыре Гандантэгченлин на протяжении всего социалистического периода велась подготовка буддистского духовенства для ряда регионов СССР. В постсоветский период в условиях национально-культурного возрождения в Калмыкии, Бурятии, Туве и на Алтае значение буддизма начинает возрастать. Однако подготовка кадров высшего уровня посвящения смещается в Индию и Непал, а в самих регионах открываются местные образовательные центры. В этих условиях разворачивается борьба за право считаться центром буддизма монгольских народов, что в результате привело к возникновению в Азии ряда новых национальных центров буддизма. Правительство же Монголии начало предпринимать попытки законодательно закрепить претензии на лидерство в регионе.

Улан-Батор построен рядом со священной горой Богд-Хаан Уул, административно находящейся на его территории. Гора Богд-Хаан Уул является древнейшим охраняемым памятником природы в мире. Указ о ее охране был подписан в 1783 г. китайским императором Цяньлуном из династии Цин. Согласно буддистской традиции, обход по кругу этой горы (более 100 км) приравнялся к искуплению тяжких грехов [Ломакина, 2006]. Сегодня гора входит в список всемирного наследия ЮНЕСКО. В 1995 г. первый президент Монголии П. Очирбат подтвердил сакральное значение этого объекта.

Центром буддизма является монастырь Гандантэгченлин, который был выделен в особый монастырь в 1809 г. Он находится в непосредственной близости от Богд-Хаан Уул. В начале XX в. в нем насчитывалось 14 тыс. монахов, в период репрессий монастырь не был ликвидирован, он был закрыт с 1938 по 1944 г. В 1970 г. при Гандантэгченлине был открыт буддистский университет им. Г. Занабазара [Там же]. Выпускники этого универси-

тета на протяжении многих лет возглавляли буддистские церкви в СССР и представляли конфессию в странах Варшавского договора.

В Улан-Батор достаточно часто наносит визиты Далай-лама XIV, считающийся в Китае сепаратистом. Так, например, в современных условиях визит Далай-ламы в Россию фактически невозможен по внешнеполитическим причинам. Монголия же настаивает на суверенном праве защиты своих конфессиональных интересов в силу того, что порядка 80% населения страны считают себя буддистами.

Современный Улан-Батор с его миллионным населением и амбициями локальных элит вывести его на уровень Шанхая или Гонконга сегодня представляет собой лишь потенциальный мировой город. Проект Рах Mongolia поддерживает данные амбиции и формирует их основу. Для того, чтобы этот потенциал смог раскрыться, нужны усилия как властей, так и локального сообщества. На данный момент мы фиксируем лишь устойчивую тенденцию к расширению его пространства за счет все увеличивающегося потока мигрантов как со стороны собственной периферии, так и с территории сопредельного Китая.

Сложившаяся ситуация с коммуникациями внутри города — сложности с социальной инфраструктурой, с транспортом и многим другим — сегодня представляет собой назревшую и актуальную проблему. Пока руководство города решает вопрос с самовольными поселениями на депривированных окраинах, параллельно формируется еще целый комплекс задач. Если они не будут решены, возможен социальный взрыв. Однако, с другой стороны, исходя из стоимости жилья и открытости страны, у города появляется

перспектива для роста в сторону заданных ориентиров, тем более что подобные амбиции неоднократно декларировались.

Станет ли современный Улан-Батор «центром силы»? Ответ на этот вопрос кроется в плоскости локального национализма и стремления противопоставить себя Китаю и России в качестве независимого и демократического государства. Соответственно, существует ряд игроков, заинтересованных в том, чтобы Улан-Батор позиционировался как демократический центр силы в авторитарном окружении. Сегодня в этом городе сосредоточено большое количество вытесненных из России и запрещенных в КНР правозащитных иностранных структур, поэтому концентрация в столице Монголии ресурсов, которые обладают потенциалом оказывать влияние на процессы в регионе, достаточно велика. В Улан-Баторе де-факто формируются дискурсы, которые определяют оценки, касающиеся престижности и непрестижности образа жизни, комфорта в регионе Внутренняя Азия.

Что касается финансового центра, здесь перспективы прослеживаются более четко. В связи со слабостью национальных финансовых институтов в Монголии представлено большое количество иностранных банков и корпораций. Монголия является достаточно крупным заемщиком под разработку природных ресурсов. Активно на этом рынке представлены Китай, Германия, ОАЭ и Япония. Финансовые структуры из этих стран, соответственно, имеют представительства в Улан-Баторе, в котором сегодня аккумулирована почти вся деловая жизнь страны. Фактически формируется сложный дисбаланс, при котором вся жизнь страны сосредоточена в одном городе, и политика в столице — во многом политика во всей стране.

Литература

- Бреславский А.С. (2011) Городская история, исторический дискурс, критический дискурс-анализ // Уральский исторический вестник. № 1 (30). С. 13–17.
- Восленский М.С. (1991) Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия.
- Лиштованный Е.И. (2007) От великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии. Иркутск: Издательство ИГУ.
- Ломакина И.И. (2006) Монгольская столица, старая и новая. М.: Товарищество научных издательств КМК.
- Михалев А.В. (2009) Советские мемориалы в Монголии: коллективная память и борьба за символическое

- ское пространство // Диаспоры / *Diasporas*. № 2. С. 208–232.
- Михалев А.В. (2008) «Русский квартал» Улан-Батора: коллективная память и классификационные практики // *Вестник Евразии / Acta Eurasica*. № 2. С. 7–29.
- Старр Ф. (2009) В защиту «Большой Центральной Азии». Ч. 1. // *Inozpress.kg*. Режим доступа: <http://inozpress.kg/news/view/id/3369> (дата обращения: 29.03.2016).
- Терентьев В.И. (2015) Монголия. Кочевники в городе // *Азия и Африка сегодня*. № 1. С. 25–29.
- Хара-Даван Э. (2002) *Русь монгольская: Чингис-хан и монголосфера*. М.: Аграф.
- Vaabar B. (1999) *From World Power to Soviet Satellite. History of Mongolia*. Cambridge: The White Horse Press.
- Bedeski R.E. (2008) *Mongolian Futures: Scenarios for a Landlocked State*. Asia paper. September. Stockholm: Institute for Security and Development Policy.
- Campi A. (2002) *Mongolia's Integration With Asia Heartland – Finding a Future and Rediscovering the Past* // *The 8-th International Congress of Mongolists (5–11 August, Ulaanbaatar)*. Summaries of Congress Papers. Secretariat IAMS.
- Delaplace G. (2010) *Chinese Ghostin Mongolia* // *Inner Asia*. № 12 (1). P. 138–139.
- Hall P. (1966) *The World Cities*. L.: World University Library.
- Mongolian Statistical Yearbook 2015 (2016) Ulaanbaatar, NSO.
- Neupert R., Goldstein S. (1994) *Urbanization and population redistribution in Mongolia* // *East-West Center. Occasional paper*. № 122. P. 5–67.
- Sinclair B. (2009) *Ger Districts: Chronicles, Explorations and Considerations of Mongolia's Informal Settlements* // *7 th Annual Hawaii International Conference on Arts + Humanities*. Honolulu, HI. January. P. 2–13.

A. MIKHALEV

ULAANBAATAR TODAY: TOWARDS A GLOBAL CITY

Author: Alexey Mikhalev, Doctor of Political Science, Center for Political Transformation Studies in Buryat State University.

E-mail: mihalew80@mail.ru

Abstract

This article is devoted to the development of Ulaanbaatar as a dynamic centre of Innermost Asia region. Its development is analyzed through the concept of a global city. Is the Mongolian capital a global city and if so, which part of the globe does it belong to? The research is based on the materials provided by the National Statistics Office of Mongolia (www.nso.mn), international development agencies, investment funds and the World Bank reports. These materials contain extensive data that characterize the involvement of the Mongolian capital in the global processes occurring in Asia. The author has also been conducting field research in Ulaanbaatar over the last decade and has had an opportunity to observe the development of the city.

Key words: city; Mongolia; Asia; transformations

References

- Baabar B. (1999) From World Power to Soviet Satellite. History of Mongolia. Cambridge: The White Horse Press, 1999.
- Bedeski R.E. (2008) Mongolian Futures: Scenarios for a Landlocked State. *Asia paper*. September. Stockholm: Institute for Security and Development Policy.
- Breslavsky A. (2011) Gorodskaja istorija, istoricheskij diskurs, kriticheskij diskurs-analiz [Urban history, historical discourse, critical discourse-analyzes]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural historical journal], no 1 (30), pp. 13–17.
- Campi A. (2002) Mongolia's Integration With Asia Heartl and – Finding a Future and Rediscovering the Past. The 8-th International Congress of Mongolists (5–11 August, Ulaanbaatar). Summaries of Congress Papers. Secretariat IAMS.
- Delaplace G. (2010) Chinese Ghost in Mongolia. *Inner Asia*, no 12 (1), pp. 138–139.
- Hall P. (1966) The World Cities. London: World University Library.
- Hara-Davan Je. (2002) Rus' mongol'skaja: Chingis-han i mongolosfera [Russia Mongolian: Genghis Khan and mongolosfera]. M.: Agraf, 2002.
- Lishtovannyj E.I. (2007) Ot velikoj imperii k demokratii: ocherki politicheskij istorii Mongolii [From the great empire to democracy: Essays on the political history of Mongolia]. Irkutsk: Izdatel'stvo IGU.
- Lomakina I.I. (2006) Mongol'skaja stolica, staraja i novaja [Oldest and new Mongolian capital]. M.: Tovarishhestvo nauchnyh izdatel'stv KMK [KMK scientific publisher group].
- Mikhalev A.V. (2008) "Russkij kvartal" Ulan-Batora: kollektivnaja pamjat' i klassifikacionnye praktiki ["Russian Quarter" Ulan Bator: collective memory and classification practices]. *Vestnik Evrazii* [Journal of Eurasia] – *Acta Eurasica*, no 2, pp. 7–29.
- Mikhalev A.V. (2009) Sovetskie memorialy v Mongolii: kollektivnaja pamjat' i bor'ba za simvolicheskoe prostranstvo [Soviet memorials in Mongolia: the collective memory and the struggle for symbolic space]. *Diaspory* [Diasporas], no 2, pp. 208–232.
- Mongolian Statistical Yearbook 2015 (2016) Ulaanbaatar, NSO.
- Neupert R., Goldstein S. (1994) Urbanization and population redistribution in Mongolia // *East-West Center*. Occasional paper, no 122, pp. 5–67.
- Sinclair B. (2009) Ger Districts: Chronicles, Explorations and Considerations of Mongolia's Informal Settlements. 7 th Annual Hawaii International Conference on Arts + Humanities. Honolulu, HI. January, pp. 2–13.
- Starr F. (2009) V zashhitu "Bol'shoj Central'noj Azii" [In defense of the "Great Central Asia". Vol. 1]. *Inozpress.kg*. Available at: <http://inozpress.kg/news/view/id/3369> (access: 29.03.2016).
- Terent'ev V.I. (2015) Mongolija. Kochevniki v gorode [Mongolia. Nomads in the city]. *Azija i Afrika segodnja* [Asia and Africa today], no 1, pp. 25–29.
- Voslenskij M.S. (1991) Nomenklatura. Gospodstvujushij klass Sovetskogo Sojuza [Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union]. M.: Sovetskaja Rossija [Soviet Russia].